

ЭКСПЕДИЦИИ И КОЛЛЕКЦИИ

П.Л. Белков

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ И КОЛЛЕКЦИОННЫЕ СБОРЫ ЭКСПЕДИЦИИ М.Н. ВАСИЛЬЕВА И Г.С. ШИШМАРЕВА (1819–1822). ПЛАВАНИЕ В АВСТРАЛИЮ И ОКЕАНИЮ¹

Настоящая статья является продолжением работы, посвященной этнографическим результатам экспедиций В.М. Головнина и опубликованной в предыдущем выпуске «Материалов полевых исследований МАЭ РАН». Необходимость исправлений и дополнений обусловлена введением в научный оборот новых источников — архивных документов и ранних публикаций, относящихся к первой четверти XIX в.

Прежде в результате сравнения этикеток на американских предметах из коллекции М.Н. Васильева с этикетками на старинных предметах из фондов Австралии и Океании, а также на основе отдельных соображений более обще-

¹ Данная работа в некотором смысле является продолжением статьи, опубликованной автором в предыдущем выпуске «Материалов полевых исследований». Как кажется, теперь появилась возможность дать окончательный ответ на вопрос о принадлежности предметов из коллекции № 736, снабженных рукописными этикетками начала 1820-х годов. Ранее эти вещи предлагалось относить к дарению В.М. Головнина 1819 г. Музею Императорской академии наук, но с оговоркой, что такой вывод делается при временном исключении из рассмотрения истории поступления коллекции М.Н. Васильева в упомянутый Музей в 1823 г. [Белков 2012: 242–244].

го порядка вытекала возможность идентификации ряда австралийских и океанийских предметов как части коллекции, поступившей в 1819 г. в Музей Императорской академии наук от имени В.М. Головнина [Белков 2012: 242–244]. Дальнейшее изучение этого вопроса привело автора к факту, ранее никак не отраженному в публикациях по истории ранних коллекций МАЭ РАН. Речь идет о двух работах Д.Д. Тумаркина с достаточно подробным описанием экспедиции М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева [Тумаркин 1960: 158–160; 1983: 48–61]. Содержащиеся в них сведения о посещении кораблями этой экспедиции Австралии и Гавайских островов окончательным образом решают вопрос о принадлежности обсуждаемой коллекции вещей из Австралии («Новой Голландии») и с Гавайских («Сандвичевых») островов в пользу версии, согласно которой они были переданы в дар Академии М.Н. Васильевым (см. протокол Конференции от 1823 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 30. Л. 117]). Здесь требуется сделать несколько уточнений или пояснений.

В переводе С.А. Корсуна, при передаче коллекция М.Н. Васильева находилась в 12 ящиках («12 pieces») [Корсун 2005: 111]. Количественный аспект, безусловно, важен для того, чтобы составить правильное представление о составе коллекции. Однако в данном контексте слово «pieces» с французского языка следует переводить как эквивалент русского «место». М.Н. Васильев имел в виду вещи, привезенные им в Санкт-Петербург в качестве багажа. Сохранились два отношения М.Н. Васильева в Кронштадтскую таможенную (датируются июлем 1823 г. — *П.Б.*). В первом он просит освидетельствовать и препроводить в Академию наук «собранные во время путешествия... вокруг Света от диких народов разные их оружия одеяния и прочия изделия уложенные в двух ящиках» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 52. Л. 16]. Во втором содержатся сведения по запросу таможи об обстоятельствах сбора коллекции, переданной в Академию наук [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 52. Л. 17]. Поэтому приведем текст этого документа («В Кронштадтскую Таможенную от капитана 1го ранга Васильева») полностью:

«На отношение оной таможи от 13го сего июля за № 1125. Имею уведомить: что отправленные ныне мною чрез Кронштадтскую Таможенную в Академию Наук в двух местах разные оружия, одеяния и прочия изделия диких народов, привезены были мною в прошлом 1822^м году в Августе месяце, на Шлюпе имянуемом Открытие, и как все вышеупомянутыя вещи не были ни для кого назначены но собраны мною во время вояжа собственно для себя, а потому я и не почитал за нужное тогда об них делать Таможне объявление. Ныне же решаешь вещи сии предложить в дар Российской Императорской Академии Наук², и уложив оныя в два места, долгом поставил к избежанию остат-

² Весьма примечательная ошибка. М.Н. Васильев называет Императорскую Академию наук «Российской», хотя в ту эпоху существовало две академии (поми-

ки (??? — П.Б.) при провозе заявить отом Кронштатской Таможне» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 52. Л. 18].

Не вполне ясно, чем объясняется факт превращения *двух* «мест» в записке В.Н. Васильева в двенадцать «pieces» в протоколах Академии. Однако теперь можно совершенно точно утверждать: переданные вещи происходят не в целом из сборов возглавляемой им экспедиции (как, например, это произошло с вещами из экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена), но собраны М.Н. Васильевым «собственно для себя», что существенно повышает историческую ценность коллекции.

Сопроводительного списка коллекции М.Н. Васильева, по всей видимости, не было. В качестве его замены, вероятно, должны были служить сами этикетки с довольно подробными описаниями вещей, касающимися их географического происхождения и утилитарного назначения. По мнению С.А. Корсуна, автором коротких текстов этикеток был комиссар (без кавычек)³ Музеума Академии Иван Алексеев [Корсун 2005: 111; 2007: 118]. Однако почерк Алексеева довольно легко вычислить. Этот почерк хорошо идентифицируется по многим документам и не имеет ничего общего с почерком на этикетках упомянутого типа. Данный почерк принадлежит лейтенанту Р.П. Бойлю, участнику экспедиции, непосредственному подчиненному М.Н. Васильева, скорее всего наклеившему этикетки на вещи по поручению своего начальника. Об авторстве Р.П. Бойля можно судить как по почерку (впервые определен Д.Д. Тумаркиным [Тумаркин 1983: 50]), так и по характерным особенностям орфографии («апохоло» вместо «опахало», «дудучка» вместо «дудочка», «удачки» вместо «удочки»).

Косвенным доказательством принадлежности рассматриваемого ряда вещей к коллекции М.Н. Васильева и, стало быть, их непринадлежности к коллекции В.М. Головнина является долгожданная находка в РНБ, или бывшей Публичной библиотеке, сопроводительного списка предметов, переданных В.М. Головниным в Музей Императорской академии наук в конце 1819 г. (список, точнее копия списка, обнаружен в начале 2012 г., местонахождение рукописного оригинала по-прежнему неизвестно. — П.Б.). Ранее из различных источников мы знали только общее число названий и небольшую часть этого списка, скопированную во второй половине XIX в. на немецком языке К.Ф. Руссовым и переведенную на русский язык в начале XX в. [Белков 2012: 241–242].

мо Академии художеств), Императорская Академия наук и Российская академия наук.

³ «Коммисар: 1) Полковой казначей денежной. 2) Так же называется пристав, коему препоручен казенной какой-либо сбор, или препоручено что-либо в смотре, в сохранение» [Словарь 2002: 763].

Вещи, перечисленные в этих документах, имеют американское происхождение, а выписка делалась в соответствии со структурой неизвестного на тот момент оригинала, т.е. названия части вещей опущены при сохранении порядковых номеров. Поэтому было вполне естественным предположить, что пропущенные строки соотносятся с вещами океанийского происхождения. Этому предположению не противоречила возможность подстановки названий океанийских вещей с этикетками рассматриваемого типа на пустые места в выписке Ф.К. Руссова так, что сумма предметов приближалась к тридцати. Справедливость такого подхода вытекала и из смешанного (примерно половина на половину) океанийско-американского состава коллекции В.М. Головнина, отданной им в том же 1819 г. в Музей Государственного адмиралтейского департамента, а также из того факта, что русский перевод выписки хранится в описях отдела Америки МАЭ. Реальность оказалась совершенно иной. Метод Гулливера в данном случае не срабатывает, ибо, как видно из найденного списка, вся коллекция, за исключением двух наименований, тапы с Гавайских островов и черепаховых серег с острова Тана, состояла из вещей американского происхождения. Следовательно, выписка, сделанная Ф.К. Руссовым, представляет собой лишь этап незавершенной реконструкции коллекции В.М. Головнина методом подбора (номера выписки Ф.К. Руссова соответствуют номерам собственного списка В.М. Головнина, опубликованного в газете «Санктпетербургские ведомости» в декабре 1819 г. [Санктпетербургские ведомости 1819: 1095]).

Список вещей, снабженных «этикетками Бойля», можно пополнить за счет некоторых других предметов, чья принадлежность к сборам экспедиции М.Н. Васильева обосновывается косвенным образом. Так, на гавайском веере № 736-208, кажется, довольно отчетливо просматривается продольный след от узкой прямоугольной этикетки, которая в начале XX в. была вклеена в опись коллекции № 736. Интересно, что подобный след от этикетки, только приклеенной вертикально, сохранился на гавайском веере № 750-4. Согласно существующей атрибуции, этот веер среди других вещей поступил в Музей Императорской Академии наук от Ю.Ф. Лисянского в конце 1806 г. Однако наличие цветных шерстяных нитей европейского происхождения в орнаменте данного веера, как и на веере № 736-208, говорит о его относительно позднем происхождении. Следовательно, пользуясь методом исключения, предмет № 750-4 можно попытаться достаточно уверенно отнести к коллекции М.Н. Васильева 1823 г.

Есть еще один факт, давно опубликованный, но не нашедший отражения в разысканиях по истории коллекций МАЭ. В «Записках» А.П. Лазарева, также участвовавшего в экспедиции под командованием М.Н. Васильева, рассказывается об одном из эпизодов пребывания на Гавайских островах (визите на яхту гавайского короля) и в связи с этим — о предметах, виденных в употреб-

лении: «Для любимой королевы поставлен был подле короля стул, а за ними, на полу, расположились отгонятели мух и чиновник с плевательницей. При сем случае заметили мы некоторое различие между означенными прислужниками короля и королевы. Первого обмахивали... двое простыми соломенными веерами, вторую же только один, но зато султаном, сделанным весьма красиво и чисто из красных перьев, носильщика же плевательной чашки она не имела» [Лазарев 1950: 257].

Судя по всему, «султан» из красных перьев, которым (или ему подобным) обмахивали королеву, значит под № 736-229. В 736-й коллекции есть также два «соломенных», плетеных из листьев пандануса, веера с Гавайских островов (№ 736-294/1, 2). Один из них идентифицируется по этикетке «Веер Сандвичевых островов» (см. предыдущую статью: [Белков 2012: 244]). На парность этих вееров, с одной стороны, указывает единство места хранения до составления первой описи в 1903 г., с другой — если так можно выразиться, единство описания в «Записках» А.П. Лазарева. Все это вместе взятое позволяет думать, что эти три предмета — опахало из красных перьев и два узких веера из пандануса — связаны между собой своим «провенансом», что именно их в буквальном смысле имел в виду А.П. Лазарев (кроме того, до сих пор, кажется, не предполагалось, что узкие веера такого типа могли использоваться в качестве опахала при королевской особе).

Несколько слов, пожалуй, о самом загадочном предмете из коллекции М.Н. Васильева, палице № 736-252 с этикеткой «Орудие Сандвичан против неприятеля». Сообразуясь с представлениями начала XIX в., Е.П. Петри при составлении описи 736-й коллекции определила этот предмет как происходящий с островов Гервей (Кука). В своем мнении она ориентировалась на сходство этой палицы с палицами с о-ва Руругу (о-ва Тубуаи), которые раньше довольно часто атрибутировались как относящиеся к материальной культуре жителей о-вов Гервей. Однако здесь возникают довольно серьезные сомнения именно в силу того факта, что принадлежность предмета № 736-252 к экспедиции М.Н. Васильева можно считать доказанной. Во-первых, острова Тубуаи находятся слишком далеко от маршрута экспедиции М.Н. Васильева. Во-вторых, обнаруживая заметное сходство по ромбовидной форме верхней части и в деталях резного орнамента, палица № 736-252 разительно отличается от палиц рассматриваемого типа с о-вов Тубуаи как по своим размерам, так и по своим пропорциям.

В настоящий момент автору этих строк известен только один предмет, являющийся полным аналогом палицы № 736-252. Он был опубликован коллекционером Л.А.Д. Монтагю в 1921 г. и атрибутирован как происходящий с о-вов Гервей (Кука) со следующими комментариями: «Этот приводящий в замешательство (puzzling) предмет, изображенный на рис. 41, сделан из зеленовато-коричневого полированного дерева и имеет 4 фута 11¾ дюйма в длину. Форма изделия самоанская, но орнамент на рукоятки характерен для о-ва Ман-

гаи, принадлежащего к группе о-в Гервей. Кажется, никто не встречал предмет подобного рода, но было сделано предположение, что данный предмет возник путем срезания верхней части лопасти копьеобразного весла (или веслообразного копья) с Мангаи, которое имеет такой же резной орнамент на рукояти» [Montague 1921: 75–80]. Если срезать верхнюю часть плоского ромбовидного навершия палицы № 736-252, получится именно тот предмет, который изображен на рисунке в книге Л. Монтагю.

На фоне сказанного объяснить происхождения палицы № 736-252 можно только с помощью пока довольно сильной гипотезы, согласно которой данная палица происходит с о-вов Тувалу. Д.Д. Тумаркин уже отмечал тот малоизвестный факт, что экспедиция М.Н. Васильева подходила к о-вам Тувалу (Эллис), немного опередив своим открытием английского капитана А. де Пейстера в 1819 г. [Тумаркин 1983: 48]. Вот как описывает это событие А.П. Лазарев: «17-го апреля с Благонамеренного были замечены одиннадцать низменных коральных, весьма лесистых островов... Капитан Шишмарев послал на шлюпке офицера ознакомиться с дикарями и одарить их кусками обручного железа и зеркалами. Когда он подъехал к ним, то они хотя не удалялись от него, но не хотели, как казалось, сойтись с ним. Однако ж он пристал к одной лодке, где, как и в прочих трех, сидело четверо островитян, которые взяли за наши весла и таким образом держались со шлюпкой... Другие их товарищи, видя наше мирное расположение, также подъехали, и тут началось знакомство [Лазарев 1950: 164].

Следовательно, какой-то обмен все-таки состоялся. В частности, упоминается, что в подарок была получена «белая раковина», какие жители островов привязывали «повыше локтей», что «оружие сих островитян состояло из деревянных пик с зубцами грубой работы» и что «из изделий своих также не имели ничего; кроме одного мата (ковра)» [Там же: 165]. Прямых упоминаний о приобретении местных образцов оружия нет, но вступление в контакт с жителями о-вов Тувалу является единственной возможностью объяснить, как в коллекцию М.Н. Васильева попал предмет, который он не мог приобрести ни в каком другом пункте маршрута экспедиции. С чисто этнографической точки зрения обнаружение здесь палиц такой формы не кажется чем-то совершенно удивительным, особенно учитывая историю заселения о-вов Тувалу из района Тонга и Самоа [Бутинов 1982: 25]. И на островах Тонга, и на островах Самоа имели распространение палицы со сходным силуэтом и сходным орнаментом в виде двух параллельных ребер поперек рукояти в том месте, где она переходит в плоское навершие, причем именно в двух вариантах: с ромбовидным и подтреугольным навершием (срезанным по горизонтали ромбом). Наконец, не исключено, что предполагаемое наличие на о-вах Тувалу палиц описываемого типа могло быть как-то связано с поздней волной поселенцев, выходцев с о-вов Токелау или острова атолла Тонгарева (Пенрин) [Там же: 25].

Подытожив таким образом (с запасом проблем на будущее) результаты исследования, начатого в предыдущей статье, перейдем к основной части настоящей работы. В публикациях Д.Д. Тумаркина представлен довольно подробный инвентарь универсалий традиционной гавайской культуры, которые описывали члены экспедиции М.Н. Васильева. До сих пор этнографы не исследовали материалы экспедиции именно как этнографический источник. Между тем по форме организации и методам наблюдения экспедиция М.Н. Васильева являет собой едва ли не уникальный для той эпохи случай проведения полевых этнографических исследований по правилам, близким к современной этнографической практике. Сбор материалов проводился по специально написанной М.Н. Васильевым программе: «какое оружие употребляли прежде двух родов пик Сандвичане, из какого дерева или камня...», «как из чего делают маты...», «как настоящей имена Владетелей и прочих значущих старшин...» и т.д.⁴ [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 15–16 об.]. «Выполняя это поручение, — отмечает Д.Д. Тумаркин, — Бойль расспрашивал через переводчика (англичанина Дж. Бекли, исполнявшего, по его словам, обязанности капитана порта в Гонолулу) гавайских вождей и других островитян, беседовал с иностранными поселенцами. Он не только ответил на поставленные вопросы, но и составил записку по этой проблематике» [Тумаркин 1983: 50]. Тем самым этнографическая тема была выделена из общего потока наблюдений, характерных для дневниковых записей путешественников того времени, и воплощена в дневниковых записях, представляющих собой подлинные этнографические отчеты.

В приложении нами приводятся отрывки из записок М.Н. Васильева, С.Г. Шишмарева и Р.П. Бойля. Выборка данных производилась с таким расчетом, чтобы информация, содержащаяся в рукописях, так или иначе касалась объектов традиционной культуры, образцы которых поступили в Кунсткамеру в составе т.н. Куковской коллекции 1780 г., и в первую очередь перьевых накидок и украшений. Полу жирным шрифтом обозначены те места, которые гипотетически могут нести некую новую информацию, касающуюся описываемых элементов материальной культуры гавайцев. Орфография документов сохранена, поскольку в некоторых случаях сама по себе, в совокупности с контекстом тех или иных упоминаний, является важным источником информации.

Даже в результате беглого просмотра представленных отрывков хорошо видно, что целенаправленный («монографический») сбор сведений по традиционной культуре гавайцев позволил российским морякам увидеть и узнать множество деталей, не только ускользнувших от взглядов очевидцев, но и практически неизвестных современным исследователям. Многие из того, что

⁴ Здесь и далее знаки зачеркивания, подчеркивания и другие особенности принадлежат цитируемым оригиналам.

прежде существовало на правах (пусть простейшего) умозаключения, теперь становится очевидным фактом. Полный анализ даже такой относительно небольшой части текстов, составленных российскими мореплавателями, требует специального исследования, поэтому, как ранее было указано, пока мы остановимся лишь на тех местах (в настоящих целях выделены нами полужирным шрифтом. — П.Б.), которые могут содержать новую информацию о гавайских перьевых накидках. Прежде всего речь идет о пяти накидках из Куковской коллекции МАЭ (№ 505-9, 505-12, 505-17, 505-18, 505-19).

Как вытекает из сообщений участников третьего путешествия Кука, красно-желтые перьевые плащи имели назначение военного костюма гавайских вождя. Например, можно было только догадываться, что это был вид настоящего защитного вооружения, основываясь на сочетании различных признаков конструкции перьевых плащей (петли на нижних концах пол, прямая линия ворота). Как следствие этой неопределенности была выдвинута концепция «символической защиты» во время сражения (скрытая ссылка на ассоциированность перьев красного цвета с магической силой *мана*, приписываемой вождям *алии*. — П.Б.) [Kaeppler 1985: 111]. Слова очевидца гибели Кука, старика, с которым беседовал Р.П. Бойль (см. последний отрывок из записей Р.П. Бойля), прямо указывают на практическую функцию военного снаряжения — своего рода щит, закрывающий тело от камней противника. Это совпадает с мнением спутников капитана Кука, которые полагали, что перьевые плащи значительно смягчали удары, нацеленные в тело, а при сближении на расстояние удара копьем сохраняли свою защитную функцию, делая очертания тела неопределенными и тем самым затрудняя прицельные удары.

В рассматриваемом контексте не менее показательны наблюдения участников экспедиции М.Н. Васильева, касающиеся способов ношения накидок (см. приложение). По замечанию Г.С. Шишмарева, у старшин «через плечо накинута были разного цвета Мантии называемые у них Тапы». Или: «часовой высокого роста и весьма статного сложения перевязан Маро и чрес плечо левое в перекинутом плаще или Тапе стоял на пристани держа в правой руке Пику». Этот способ ношения плащей гавайцами объясняет, почему трапециевидные накидки в описи Бема (Куковская коллекция Кунсткамеры) именуется «ментями» («ментия» является синонимом слова «ментик». — П.Б.). По-видимому, данный факт находит разумное объяснение только за счет предположения, что англичане, передававшие эту вещь майору М. Бему в 1780 г., сопровождали акт дарения комментариями, отражавшими то, что они видели собственными глазами.

В продолжение темы, связанной с интерпретацией перьевых накидок в качестве универсалий традиционной (доконтактной) гавайской культуры, на основании записей экспедиции М.Н. Васильева можно сделать еще одно замечание. Характер словоупотребления в отношении гавайских перьевых

ожерелий, или венков, *леи*, по крайней мере косвенным образом опровергает гипотезу, согласно которой «зефиры» из описи Бема ставятся в соответствие с вещами упомянутого класса. Как явствует из записей членов экспедиции, в первой четверти XIX в. в русском языке венки назывались «венками». Знакомство с русской литературой последней четверти XVIII в. дает те же результаты, оставляя за «зефирами» значение «короткая женская накидка» (естественно, по словарю английского языка).

Изучение записок офицеров экспедиции М.Н. Васильева позволяет совершенно иначе, чем принято, трактовать некоторые, казалось бы, хорошо известные элементы традиционной гавайской культуры, как черно-белые перьевые плащи с узкими воротниками из красных и желтых перьев. До сих пор считалось, что плащи этого типа являлись принадлежностью вождей низшего ранга благодаря предполагаемой «дешевизне» черных и белых перьев. Из того, о чем свидетельствуют русские моряки, однозначно явствует: белый прямоугольник (или белый прямоугольник на темном поле) служил знаком наложения табу (во времена путешествий Джеймса Кука белый «флаг» гавайцев считался знаком мира). Следовательно, перьевые плащи с таким рисунком представляли собой способ табуирования персоны вождя, скажем, в рамках похоронной/поминальной обрядности (см. приложение: флаг в виде белого квадрата на синем поле является знаком запрета на посещение некоторой территории или установка белых флагов во время похорон). Данные цвета могли использоваться и в иных семиотически эквивалентных случаях, по-видимому, не имея непосредственного отношения к гавайской «табели о рангах».

На наш взгляд, данная выборка подтверждает ценность записок участников экспедиции М.Н. Васильева в качестве полноценных этнографических источников, предполагая их дальнейшее изучение в рамках других тем, связанных с монографическим описанием традиционной гавайской культуры. Безусловно, сведения участников третьего путешествия Кука на сорок лет старше сведений участников экспедиции М.Н. Васильева. Однако в отличие от первых сведения русских моряков носят систематический характер, представляя собой не просто заметки любознательных путешественников, но настоящие этнографические отчеты, и в силу этого содержат вроде бы незначительные детали, которые, являясь чем-то вроде маркеров или ключей, зачастую в наибольшей степени интересуют профессиональных этнографов.

Приложение

Выписки из дневников М.Н. Васильева

«...в сем деле жители довольно искусны / красят подобно ситцам / лучшие тапы делают на Оваги / **несколькими листами обертывают себя мужчины во время холоду / оне величиною походят на наши простыни, / самые тонкия и лучше раскрашены / женщины употребляют на пояса етого же**

рода тапу толь — [ко] толще / несколько грубее зделана / большими листами, / Король собирает с жителей / и употребляют вместо наших бумажных листов под медь при обшивке судна, / кажется нехуже нашей бумаги. Хлобчатая бумага кажется в малости у них разведена / и та без внимания оставлена / а шелковичных деревьев во все нет. Для освещения в ночное время природа дала им масленныя орехи называемыя ----- / растут на дереве в бальшом изобилии, / снимая сии орехи очистивши от скорлупы несколько времени дают им провянуть / на тянувши их несколько на спичку зажигают / горят светло, / необжигают / производят небольшой дым и запах / / ядро сие походит велич[e]ною на ядро волозских (вологских, волохских, т.е. волошских. — П.Б.) орехов, / вынувши из скорлупы бело а провянувши желтеет, / из него должно много выходит масла / может быть годное для краски вместо олифы. Для подстилки на земле в шалашах делают маты из травы ----- / и род мелкаго камышу ----- / снявши на воздухе дают несколько провянуть / и плетут кажется женщины / лучшая маты делают на Отуваи / есть большия / сажени в четыре / квадратныя / можно сказать хорошей работы / посуда для пици / служат им калebasы в чем держут таро / несколько деревянных чашек и род тарелок, / оне едят руками / не нужны им ни лошки ни вилки ни ножики наши, / рыбу едят почти сырую, ея, / поросят собак пекут камнями и внутрь кладут / потом в листья завертывают / все ето на матах их обед / едят сырыя ракушки и траву морскую что на камнях бывает / едят в 10^м часах утра и вечера / часа пополудни, / ето я говорю про круг знатных, / мне случалось заставать за обедом или завтраком, за обедом или ужином Тамари, Паумоку, Краймаку и прочих перьвых старшин сидящих в кружок. Таро есть для них необходимое кушанье как мы употребляем хлеб, / любят соление / и рыба присланная из Камчатки крайне им нравится / до рыбы оне большие охотни ки / а предпочитают ----- красная чешуя, / взяли в обыкновение курить табак, / держут маленькие трубочки / Европейцы работают им / разкуривши, подают одному, тот набравши дыму, подает другому и тем далее, сколько табаку в трубке находится, / фитили имеют свои травенья, / иныя трубочки приделали к зеркальцу чтобы смотреться / носят иныя на снурочке или ленточке на шее, **женщины на шее носят бусы, / корољки, костяныя выделаныя, / на голове также, венечки перенья либо пандановыя** / иныя и на руках /... также кость выделанная из моржевого зуба наподобие ракушки на снурочке / либо мелинкия ракушки настоящие носят на руках / передния волосы на голове зачесывают на зад и натирают извескою водою, / кажется как напудрена / в плясках наряжаются лучшею тапою / обертывают пояс, / **из зеленых листьев делают венки,** / надевают на ноги, шею и на голову, / мужчины никаких украшений на теле не носят кроме пояса, коим закрывают детородныя части и пропускают между лажек, / и из тапы же **носят покрывало / на одно плечо накинута / а на другое завязан узел так что правая рука у его свободна а все тело почти**

открыто, / волосы обрезаются в кружок; / у них видели по сторонам с обеих висков обстрижены низко а на теме[ни] в доль головы оставлены побольше / это говорили нам оне делают в изъявление своей печали по умершим родственникам или покойникам» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 104. Л. 31–32 об.].

Выписки из дневников Г.С. Шишмарева

«По приходе нашем в гавань Ганнаруру... разного звания в довольном числе на своих лодках приехали к нам Сандвичане. Нетрудно было угадать ис них старшин; оные были также голые но кроме повяски прикрывающей детородного уда называемою у них Маро еще **через плечо накинута были разного цвета Мантии называемые у них Тапы** впрочем одежды более никакой неимели...

...Впрочем Американец естли имеет у себя на судне большую работу; или по каким..., то ни было причинам не хочет иметь у себя посетительниц то он поднимает на форбрамстенги **флаг ква в синем квадрате поле ... белый квадрат означающий непозволение приезжать к себе на судно женщинам; а у Сандвичан разумеющим Табу и уже ни одна женщина неприедет нато судно...**

...Часовой високаго росту и весьма статнаго сложения перевязан Маро и **чрес плечо левое в перекинутаго плаще или Тапе стоял на пристани держа в правой руке Пику...**

...[женщины] были одеты в новых Тапах Маро Павах (то есть та же материя, зделанная гораздо уже Та, но длиннее Тапы и употребляется всегда женщинами для прикрытия нужных своих частей. Ширина оной Пава обыкновенно бывает от пояса и по колени, обертывая раза 2 или 3, и у пояса завязывают. В оном разе и мужчины должны прикрыты быть / однако с женщинами оные Пава разного цвета / такими же материями были обиты, на манер подобранной Юпки. **Из широких листьев все имели на плечах повяски имея назади крест.** На ногах из травы же мелконарезанныя повяски, таковые же и на руках / на голове имели разного цвета венки...

...В холодную погоду **обертываются облаки** женской пол накидывает на плечи кусок толстой ткани в несколько рас сложенной и служащей им вместо шубы. **Они же иногда украшают всякими ис цветов или ранжировой шерсти предпочителнее всем прочим цветам, однакож оные украшения венками более бывають при их игрищах или плясках.** Мужчины же ныне стараются одеватся на Европейской вкус. Во фраках, в сертуках и тому подобных платьях; особо главные начальники...

...Прежде же их одеяние состояло в Мантии из разных перышков **составленные** сделанною. Оная **надевается** накидывается наплечи и простирается до икор а на шею завязывается или застегивается / она очень походит на **плащ**, употребляемой в Англии женщинами только без воротника; мы видели в оных Мантилиях же старшин... Кроме оной Мантии, на голове у них были шлемы или римские шишаки с красным **перьями** пером, и в руках имели по Пике употребляемых ими в сражениях впротчем в бытность нашу в оба раза на острове Вагу мы ни в какое время ни одного человека не видали там одетыми. И потому заключить можно, что оное одеяние служит им в военное или в какое-нибудь другое время...

...Некоторые из простых людей, привозили к нам сплетенные из травы или камышу имеющих подобие шишака, но также не видали в обыкновении носить оные. Иже ис вееры (?), а имеют более кажется для продажи (?) И то естли видят что есть охотники покупать таковые вещи...

Сандвичане ныне вельми дорого продают все вообще вещи, ипри продаже любят взять барыша; Ныне на острове Вагу, Американцы привозят товаров довольно разных и продают оные не иначе как за таллиры; ипотому в нашу бытность на сем острове все вещи наши подарочные почти остались, разве кроме некоторых полутчи например, складные ножи, каламенка полосатая... Красное сукно и тому подобное...

...протчих же плодов например бананов сахарной тростник и зелени можно было купить за котлы, шляхты и топоры; которые... у них ставятся по дороже нежели другие вещи...

«Внутри шалаша кладется на землю трава, которая постилагается их рогожами; у богатых же сверху еще кладутся тонкие маты коиими также обиваются и стены» [РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 730б. Л. 108–108 об., 109, 109 об., 117–118, 118 об.].

Выписки из дневников Р.П. Бойля

«На данные Вами вопросы получено сведение от приезжающих на судно старшин помощью переводчика Баклера... Маты плетут из листьев называемые ловоро самые лучшие, другие из травы мохорора, и третей из тростника якокай самые простые... Вережки делают из растения называемое Орена, растет как пенька. Птиц[ы] из коих делуют мантии. О-о, птица величюно с коморника вовсе черная, опричь как под крылом три или четыре перешка желтых и тож на хвосте, другая называется Ивии маленькая красная. Птиц ловят сетями и намазывают места где заметят что болие садятца, клейким

веществом от хлебного дерева. Мантии делают портные особенные для сего. Перие збирают как подать накладывают на землю; и тот помещик должен доставать (доставлять? — П.Б.) мантии, как длинные так и короткие однако достоинств[а] оныя достаютца Королем в знак отличия как в Европе ордена (так мне сказал испанец Марин)...

...[при сожжении во время похорон] на трех или четырех сторонах поставлено по флагу белому означающево табу...

...Один из старшин (участник схватки, в которой погиб капитан Кук. — П.Б.) ...рассказывал, что когда в них... полили то оне **закрывались от пуль бумажным своим тапопом плащем** думали етим защититса...» [РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 7 об.–8, 8 об., 9 об.–10].

Источники

Протоколы конференции Академии наук. 1819 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 30.

Журнал 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. на шлюпе «Благонамеренном» // РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 730б.

Экспедиция в Северный Ледовитый океан кап.-лейт. Васильева в 1819–1822 гг. Записки о прибытии экспедиции на Камчатку в июне 1820 г., о Сандвичевых островах и о плавании шлюпов до Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса в марте 1822 г. Черновики // РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 104.

Экспедиция в Северный Ледовитый океан кап.-лейт. Васильева М.Н. в 1819–1822 гг. Записка о природе, истории, нравах и обычаях жителей Сандвичевых островов. Апрель 1821 г. // РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113.

Санктпетербургские ведомости. 16-е декабря 1819 г. № 100. С. 1095.

Библиография

Белков П.Л. Этнографические коллекции из экспедиции В.М. Головнина в Музее Государственного Адмиралтейского департамента и Музее Императорской Академии наук. Модели вторичного полевого исследования // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2012. Вып. 12. С. 223–248.

Бутинов Н.А. Полинезийцы островов Тувалу. М., 1982.

Корсун С.А. Собрание МАЭ по народам Русской Америки: история формирования и документальная атрибуция // Сб. МАЭ. СПб., 2005. Т. L: Аборигены Америки: предметы и представления. С. 59–189.

Корсун С.А. Музейные этикетки и проблема атрибуции предметов из старинных коллекций МАЭ // Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII: Культура и быт австронезийских народов (История коллекций и их собиратели). С. 104–130.

Лазарев А.П. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного в Берингов пролив вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг., веденные гвардейского экипажа лейтенантом А.П. Лазаревым. М., 1950.

Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2002. Том третий. (Факсимильное издание. Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III.)

Тумаркин Д.Д. Новые архивные материалы о гавайцах // СЭ. 1960. № 2. С. 158–160.

Тумаркин Д.Д. Материалы экспедиции М.Н. Васильева — ценный источник по истории и этнографии Гавайских островов // СЭ. 1983. № 6. С. 48–61

Каепpler A.L. Hawaiian art and society: traditions and transformations // Transformations of Polynesian Culture. Auckland, 1985. P. 105–131.

Montague L.A.D. Weapons and Implements of Savage Races (Ausrolasia, Oceania, and Africa). L., 1921.